

КРАСНУХИНА Елена Константиновна / Elena KRASNUKHINA

| Субъективация как субъекция |

КРАСНУХИНА Елена Константиновна / Elena KRASNUKHINA

Россия, Санкт-Петербург.

Санкт-Петербургский государственный университет.

Доцент кафедры социальной философии и философии истории.

Кандидат философских наук, доцент.

Russia, Saint Petersburg.

Saint Petersburg State University.

Associate Professor of the Department of social philosophy and philosophy of history.

Associate Professor, PhD.

lenakras@yandex.ru

СУБЪЕКТИВАЦИЯ КАК СУБЪЕКЦИЯ

Предметом обсуждения в статье становится соотношение близких, но не синонимичных, терминов «субъективация» — становление субъектом, «субъекция» — подчинение, «субъективность» — реальность внутренняя и идеальная и «субъект» — лингвистическое условие существования индивида. Проведенный в статье анализ показывает, что существует несколько философских дискурсов субъектности существования, а именно: субъектности как субъекции или подчинения, субъектности как интересубъективности желания, субъектности как власти над собой или контроля разума над чувственностью и субъектности как суверенности или господства. Связь процесса субъективации с вопросами власти и желания прослеживается во всех вариантах его тематизации. В статье анализируется различие между концептом субъекта в классической европейской метафизике и структуралистскими и семиотическими идеями Мишеля Фуко, Джудит Батлер, Юлии Кристевой, Луи Альтюссера и Рене Жирара, касающимися процессе становления субъекта. В современной философии субъект превращается из идеальной субстанции и неизменной сущности в образование динамичное, телесное, фрагментированное, связанное со структурами языка.

Ключевые слова: субъект, субъекция, субъективность, господство, субординация, желание, сексуальность, мораль, совесть, вина, идентичность, признание, мимесис

“Subjectivation” as Subjection

The article discusses the relation between the close, but not synonymous, terms "subjectivation" — the becoming of a subject; "subjection" — subordination, "subjectivity" — the inner reality vs. the ideal reality; and the "subject" — the linguistic condition of individual existence. The article's analysis shows that there are various philosophical discourses about the subjectivity of existence, namely: subjectivity as subjection or subordination; subjectivity as the inter-subjectivity of desires; subjectivity as mastery over oneself or control of the mind over sensuality and subjectivity, as sovereign or dominant. The relationship of subjectivation with regard to issues of power and desire can be traced in all its different thematic variants. The article examines the distinction between the concept of the subject in classical European metaphysics and the structural or semiotic ideas of Michel Foucault, Judith Butler, Julia Kristeva, Louis Althusser and Rene Girard, as they relate to the process of the subject's formation. In modern philosophy, the subject transforms from an ideal substance and immutable essence into the formation of dynamic, bodily, fragmentation, associated with the structures of language.

Key words: subject, subjection, subjectivity, domination, subordination, desire, sexuality, morality, conscience, guilt, identity, recognition, mimesis

Современный философский дискурс содержит в себе близкие, но не синонимичные, термины «субъективация» — процесс становление субъектом, «субъекция» — подчинение, «субъективность» — реальность внутренняя и идеальная и «субъект» — лингвистическое условие существования индивида. Используемый М. Фуко французский термин «assujettissement» или употребляемый Дж. Батлер английский термин «subjection» буквально означают состояние подчиненности. Анализ практик субъекции свидетельствует о том, что субъект, являвшийся в классической философии предпосылкой свободного действия и синонимом автономии, стал рассматриваться как эффект зависимости и субординации, конституируемых отношениями власти.

Идея универсальной сущности или изначальной природы человека отвергнута современной философией. Связано это с

кризисом классического понятия субъекта. Понятие субъекта подразумевает самоотношение и самопорождение. Человек мыслился философией и как субъект сознания и разума (Декарт), и как субъект свободы и самоопределения (Фихте), и как субъект речи (Лакан), и как субъект власти (Ортега). Бытие субъектом мыслится метафизикой не как нечто зависимое и производное, а как существо самостоятельное и порождающее. Человек как субъект — это не тварь, не творение, а творец. Классическая теория субъекта предполагает его субстанциальность, независимость от внешнего, самодостаточность и центрированность на самом себе согласно декартовскому принципу самосознания «я есть я». Господство субъекта в новоевропейской философии было подвергнуто критике Хайдеггером. Он отвергает декартовский взгляд на человека как на репрезентанта бытия. Если понятие «субъекта» буквально

КРАСНУХИНА Елена Константиновна / Elena KRASNUKHINA

| Субъективация как субъекция |

но означает то, что под-лежит или лежит в основании, то «из сущностного понятия «subiectum» мы должны ближайшим образом исключить вообще понятие «человек», а потому также понятия «Я», «самость»¹. Таким образом, человек, согласно новому взгляду на него, не лежит в основании самого себя, не является господином ни себе, ни бытию, не рассматривается более ни как самоочет, ни как самополагание. Если опрокинуть проблему субъективации на гегелевскую диалектику раба и господина, то окажется, что классическое понятие субъекта как источника воли и власти, деятельности и автономии, как носителя свободы маркируется фигурой господина, суверена. Однако современная теория субъекции ставит во главу угла именно образ раба, формирующегося в субординации.

Одним из главных сюжетов, инициированных исследованиями античности Фуко, является «встреча самости с сексуальностью» или адресация вопроса о своем Я своему полу. Если декартовская идея самосознания являлась внеисторической по своей сути, то те формы самовыстраивания, которые обнаруживает Фуко, являются не теориями или концепциями, а историческим опытом сексуальности. «Будучи самым острым и необузданным из всех удовольствий, будучи более затратным, чем большинство других видов физической активности, принадлежа к игре жизни и смерти, половой акт оказывается привилегированной областью для этической организации субъекта — такого субъекта, которого должна отличать способность контролировать бушующие в нем силы»². Обнаружить в желании истину своего бытия можно при условии моральной проблематизации половой деятельности. Основной тезис заключается не в том, что сексуальность человека является не природной константой, а исторически и культурно детерминированным процессом, а в том, что определенные половые практики оказываются технологиями, благодаря которым человек не только дан самому себе, но и может конституироваться в качестве субъекта, организовать себя суверенно.

Генезис человека как субъекта пола становится возможен благодаря одновременному его становлению в качестве этического существа. Три характерные черты отличают античную половую мораль от христианской. Во-первых, незапретительная природа античной морали сексуального поведения, во-вторых, признание ею легитимности сексуального наслаждения и удовольствия и, в-третьих, ее нацеленность на конституирование субъекта желания как обладающего свободой и властью. Античной половой морали совсем не свойственны какие-то строгие запреты тех или иных форм гомо- или гетеросексуальных контактов. Альтернативой добродетели здесь считается пассивность сексуального объекта, противопоставляемая активности субъекта сексуального желания и наслаждения. Не чистота, невинность и аскетизм, а именно формирование человека в качестве субъекта является позитивной целью этой морализации пола. Сексуальность рассматривается как та сфера жизни, которая содержит в себе максимальные возможности изменить и преобразовать себя. Половой характер эта мораль имеет не только потому, что регулирует сексуальную жизнь, но и потому, что она адресована не общечеловеческой субъектив-

ности, а субъективности определенного пола — полноценному статусу свободных взрослых мужчин. Ее элитарный настрой исключает женщин, юношей и рабов как предназначенных к неполноценности объектов удовольствия, претерпевающих, а не совершающих сексуальные акции. Если персонализацией христианской половой добродетели впоследствии станет девушка, настойчиво сопротивляющаяся всем сексуальным домогательствам ради сохранения своей невинности, чистоты и неискушенности, то главным героем античной добродетели сексуального плана является мужчина, гражданин полиса, мудрый господин своих сексуальных желаний и удовольствий, обладающий властью над лицами, зависимыми от его разумности и умеренности. Особая роскошь такой субъектности существования была связана с тем, что мужчина добровольно принимал на себя исполнение морального долга сексуальной умеренности (кардинально отличного от женского долга подчинения), долга, не имеющего характера всеобщего предписания посредством законов или обычаев. Если некоторые формы воздержания и предусматривались античной морализацией половой активности, то при этом подразумевались не те запреты и законы, которые дает людям высшая божественная инстанция, а те, что человек полагает себе сам посредством своего разума. Ибо быть субъектом означает здесь не подчиняться другому, а быть господином самому себе.

В сексуальном наслаждении как таковом, с точки зрения греческой субъектности, нет ничего плохого, аморального, демонического или злого. Связанная с ним опасность заключается лишь в потере самоконтроля, в возобладании в человеке животной природы над природой высшей разумной. Идеалом античной мысли оказывается овладение удовольствием, подчинение его своей воле, использование удовольствия субъектом, не допускающим использования себя в качестве объекта чужого удовольствия. Самократическая структура субъекта выстраивается отношениями господства и властвования над самим собой, а также отношениями подчинения и покорности самому себе. Это кратическое отношение в сексуальной области конкретизируется как господство рациональности над чувственностью. Аналогия самоотношения с отношением общественным состоит в следующем: свободный гражданин не воздерживается от наличия как эротических желаний и наслаждений, так и рабов, а властвует над ними как над низшим порядком бытия. «Лучшая доля не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им», — утверждал Аристипп³. Таким образом, греко-римский идеал свободного гражданства включал в себя ярко выраженные эротические аспекты. Социальная и сексуальная идея человека накладывались друг на друга. Аналогичным образом более позднее политическое понятие суверенности со временем трансформируется в идею, имеющую в философии Д. А. Ф. де Сада и Ж. Батая преимущественно эротическое смысловое наполнение.

Разумный субъект свободен. Эта греческая мысль была унаследована и развита философией Спинозы. В контексте сексуальных практик субъективации свобода оказывается формой самоотношения человека. Цель эротической воздержанности

¹ Хайдеггер М. Время и бытие. / М. Хайдеггер / М.: Республика. С. 118.

² Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. / М. Фуко / СПб: Академический проект, 2004. С. 231.

³ Фуко М. Использование удовольствий. С. 110.

КРАСНУХИНА Елена Константиновна / Elena KRASNUKHINA

| Субъективация как субъекция |

греческого гражданина в отличие от цели аскетической установки христианина заключалась не в том, чтобы быть невинным, а в том, чтобы быть свободным. Свобода в этом случае мыслилась не как свобода воли или произвол, а как альтернатива рабству и зависимости. Негативное определение свободы как независимости дополнилось позитивной идеей ее реализации в самовласти и власти над другими. Независимая и правящая воля дает нам идею суверенитета. А суверенной является только свободная воля. Как свобода, так и самовластие человека, форма субъектности его существования заключаются в правильном соотношении разума и желания. Желание наслаждения так сильно, что оно стремится главенствовать и управлять поведением человека, но это состояние и рассматривалось как рабство у самого себя. Эротическая чувственность как низшая инстанция не должна быть независимой от разума, тем более брать над ним верх. Суверенен, т. е. определяем только изнутри своей собственной природой, исключительно разум. Разум — это власть и свобода, составляющие совместно феномен суверенности. Если философская классическая традиция пеклась о несвободе желания и суверенности разума, то впоследствии дискурс психоаналитический и постмодернистский поставили проблему контрарно: суверенность — это природа желания, которое должно быть освобождено от гнета разума. К этому, по сути, и сводилась критика современного общества и принципа рациональности западной цивилизации.

Античные сексуальные практики субъективации конституируются принципом субъект-объектного противостояния. Деление половой активности на гомо- и гетеросексуальную формы не представлялось имеющим значение. Гомосексуализм имел не маргинальный, как ныне, а статусный характер самоутверждения, т. е. был атрибутом социальной стратификации и иерархизации. Активность или пассивность как социальной, так и сексуальной роли становилась решающей. Трудно полностью не зависеть от своих желаний, гораздо легче дается практика неравного распределения наслаждения. «Наслаждение не должно разделяться объектом наслаждения, лишь тогда оно — добродетель. Всякое наслаждение, доставленное другому, есть рабская услуга»⁴. Получать наслаждение, не давая его другому — вот главный принцип античной гражданственности. Даже влюбленность трактуется в этой системе ценностных координат как рабство у другого, а взаимность отрицается как нечто недостойное. Такова сексуальность, вплетенная в рабовладельческую общественную формацию и сделавшаяся неотъемлемой стороной свободы господства. Маркиз де Сад так отчаянно противился новой идее французского гражданина именно потому, что этот новый вид гражданства на основе равенства и отмены всяческой зависимости посягал на те сексуальные практики субъективации, в которых моделью сексуальности является владычество, а партнер может рассматриваться в качестве бессловесного и бесчувственного объекта. Хотя понятие субъекта в данном исследовании Фуко и совпадает со свободой и самовластием, т. е. с идеей автономии, все же субъект уже не является для него ни сущностью, ни субстанцией, а лишь эффектом исторических практик сексуальности.

Дж. Батлер утверждает, что психическая сфера субъекта, вызываемого к жизни повиновением власти, остается вне поля внимания автора этой концепции субъекта М. Фуко. Это утверждение выглядит преувеличением. Оптикоцентризм власти, исследованный Фуко, предполагал субъективацию внешнего контроля и наблюдения в различных формах самодисциплины, осуществляемую через социальные институты религиозной исповеди, тюрьмы, образования и медицины. Производство субъекта лингвистическими средствами, подразумеваемое теорией интерпелляции Л. Альтюссера, также апеллирует и к сфере сознания, и к сфере бессознательного, структурированного как язык. Новшество исследования психических форм власти и субъекции, инициированного Батлер, коренится в другом. Оно является развитием следующего тезиса Фуко: Мы должны пытаться ухватить субъекцию в ее материальности как выстраивание субъектов»⁵. Введение сферы телесности в процесс становления субъектом означает в данном случае обращение к чувственному аспекту субординации, а именно анализ страстной привязанности субъекта к формам своей зависимости. Общий тезис о том, что нельзя достичь идентичности вне обретения признания себя Другим, сохраняет свою силу. Однако формы признания различны. Гражданская свобода основана на принципе равенства — Другой признает за тобой ровно те и столько прав, какие и сколько ты признаешь за ним. Практики субъекции переносят признание в другую плоскость — оно невозможно без отношений зависимости и подчиненности. Если в классической философии субъект рассматривался как синоним свободы и независимости, то субъект в философии современной берется как продукт отношений подвластности и подчинения.

Понятие «субъекта» исторически изменчивое. Когда декартовский рационализм мыслил субъекта именно как человека, как разумное существо, то в понятие субъекта включалось бытие-для-себя, субъективность, отраженность в самом себе. Субъект сближался с индивидуумом. Однако последние понятия не тождественны по своему смыслу. Неокантианская философия, а вслед за ней французская школа Анналов, понимают под индивидуумами в том числе и крупномасштабные исторические образования такие, как Ренессанс или капитализм, все же не в обязательном порядке обладающие автореферентией.

Философия подразделяет свободу на внешнюю и на внутреннюю. Известны слова А. Герцена: «Нельзя освободить народ внешне более, чем он свободен изнутри». Все идеи субъекции — гегелевская, ницшеанская, фрейдистская, фукианская, батлеровская — сходятся на том, что для свободы субъекта недостаточно освободиться от внешней власти. Поскольку подчинение является не внешним условием и обстоятельством, а сущностью и структурой субъекта, возникает формула Фуко «душа — тюрьма тела», противоположная видению Платоном тела как темницы души.

Под процессом субъекции имеется в виду нечто иное, чем интернализация — включение внешних социальных норм во внутренний психический мир индивида. В результате субъекции только впервые и возникает граница между внутренним и

⁴ Киньяр П. Секс и страх. / П. Киньяр / М.: Текст, 2000. С. 15.

⁵ Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. / Дж. Батлер / СПб.: Алетейя, 2002. С. 15.

внешним. Возникновение этого различия есть результат рефлексивности, обращения на себя, «тропологической инаугурации субъекта»⁶. В философии Ницше и Фрейда формой рефлексии или обращения на себя становится совесть, а не разум. В самопорицающих актах совести субъект обращается не только на себя, но и против себя.

Обращение на и против себя рассматривается в современной философии как деятельность не разума, но воли и желания. При этом никакой запрет не может отменить вожделяющую природу человека, заключающуюся не в желании какого-то объекта, а в желании желать. Желание продолжать желать избегает удовлетворения, оно коренится в запрете на обладание каким-либо конкретным объектом. «'Загробная жизнь' запрещенного желания происходит в самом запрете»⁷, обращение желания на себя порождает желание того, что запрещает желать — совести.

Дискурсивные практики субъектообразования рассматривают его как следствие языка. При этом полагается миметическое отношение между грамматикой и онтологией. Грамматикой задано место субъекта (подлежащего). С этой точки зрения, именование онтологично, назвать нечто значит вызвать его к жизни. Лакан писал о важности символического регистра существования субъекта. Теория интерпелляции Альтюссера идет дальше этих тезисов. Она основана на убеждении в том, что одних только лингвистических средств недостаточно для существования субъекта. Сама идея интерпелляции заключается в переозначивании оптикоцентризма нарциссической стадии зеркала, рассматриваемой психоанализом, в феномен зеркала акустического, предполагающего способность узнать себя в обращении и откликнуться на свое имя. Эту форму образования идентичности Альтюссер связывает с отношением власти. В его примере речь идет о готовности прохожего обернуться в ответ на реплику «Эй, ты там!», произнесенную полицейским как представителем власти и закона.

Оборот на призыв не следует с неизбежностью. Подчинение власти оклика является следствием активности обеих сторон социального взаимодействия, готовности обернуться и принять обращение на свой счет. Пронзительный эпизод такого рода описан в романе Джозефа Конрада «Лорд Джим». В силу ряда причин, связанных со скандальными обстоятельствами судебного разбирательства, в котором он участвует, герой Конрада, благородный джентльмен, принимает на свой счет сказанные за его спиной и относящиеся к бродячей собаке слова «Посмотрите на эту трусливую тварь!». Он требует сатисфакции у того, кто произнес эту фразу. Последующее прояснение недоразумения в чем-то только усугубляет ужас произошедшего. Хотя никто и не думал оскорблять капитана Джима, он сам идентифицировал себя с «трусливой тварью», отозвался на слова, обращенные к бездомной собаке, и признался в этом другому человеку. Факт унижения оказался фактом невольного самоунижения. Но такова логика интерпелляции: откликаться или нет на чье-либо обращение — это всегда наш собственный выбор, готовность признать или не признать себя в речевых актах номинации.

Оклик действительно вызывает оборачивание на него в силу того, что он гарантирует индивиду идентичность, приобретаемую в процессе аналогичном крещению. Главным жизненным порывом является желание быть. «Всякая вещь, насколько от нее зависит, стремится пребывать в своем существовании»⁸ — это утверждение формулируется Спинозой в ранге теоремы. Логика идентичности, приобретаемой рабом такова: лучше быть подчиненным, чем вообще не быть. Стремление к признанию оборачивается повиновением закону. Подчиняться, точнее «повиноваться» в русском языке есть термин, производный от понятия вины. Субъекция оказывается невозможной без принятия на себя вины. Вина гарантирует обращение на нас закона и признание в качестве субъекта вины. Признание неотъемлемо от осуждения. Именно совесть лучше всего воплощает в себе человеческую страстную привязанность к существованию. Обращение на себя оказывается в этом процессе становления субъектом оборотом на глас закона, поворотом лицом к лицу власти.

Ранней фазой, а потому и моделью формирования субъекта являются семейные отношения детей и родителей, в которых возникает единство зависимости ребенка и его привязанности к родителям. Поскольку само существование ребенка зависимо и подчинено, у него «нет шансов не любить»⁹ тех, кто поддерживает и обеспечивает его жизнь, не строить отношения привязанности к родителям. Само слово «привязанность» двойственно по своему смыслу. Оно одновременно означает и любовные чувства, и наличие зависимости от предмета любви. Другой в лице родителя не просто признается, он дается через субординацию, через подчинение ему. Политические формы власти вырастают из первичной семейной связи, из раннего жизненного опыта человека. Существование даруется извне, социальные категоризации дают место, форму и признание существованию субъекта. Социальное проявляет себя как система запретов. Обуздание социально запрещенного желания требует обращения его на себя, в котором возникает субъективность как рефлексивность, как бытие-для-себя. «Подчинение желания требует и устанавливает желание подчинения»¹⁰ — это означает, что подчинение миру Других оказывается условием собственного существования.

Еще одним важным ракурсом проблемы формирования субъекта является концепт интерсубъективности. Поскольку речь в современной философии идет уже не о субъекте разума, а о субъекте желания, то интерсубъективной или миметической оказывается природа желания. Процесс становления субъекта может трактоваться не в плане классической предзаданности трансцендентального Я, а как осуществляющийся через семантические фигуры удвоения, двойника. Речь идет о том, что субъект признает основание своего существования вне самого себя, в том эффекте удвоения внешнего во внутреннем (именуемого Ж. Делезом «складкой бытия»), который и образует нашу самость.

Желание, вопреки постулату Фрейда, не имеет своего привилегированного объекта. Его миметическая природа задает

⁸ Спиноза Б. Избр. Произв. В 2-х т. Т. 1. / Б. Спиноза / М.: Госполитиздат, 1957. С. 462.

⁹ Батлер Дж. Психика власти. С. 21.

¹⁰ Батлер Дж. Психика власти. С. 29.

⁶ Батлер Дж. Психика власти. С. 17.

⁷ Батлер Дж. Психика власти. С. 72.

собственное желание как выстроенное по образцу и коду желания Другого. Желание не является спонтанным и самостоятельным, не является аналогом декартовского Я, оно зависимо от интересубъективности, оно есть, прежде всего, форма отношения с Другим, а не с предметом желания. Основное значение понятия «мимесис», закрепленное искусством — это подражание. Однако первичное значение этого термина богаче. Он подразумевал и уподобление другому, и причастность или доленое участие, и исполнение, в котором внутреннее становится внешним и, наоборот, внешнее овнутряется. Миметическая суть желания сводится к тому, что желание задается другим, мы желаем того же, чего желает Другой, поэтому репрезентативная в искусстве и философии тема двойника обретает новое преломление в анализе отношений соперничества.

Классический фрейдизм сконцентрирован на феномене нарциссизма, в котором зеркальное удвоение конституирует Другого из собственного образа. Такой Другой обретает значение идеала Я, образца для подражания, предмета идентификации и источника телесной целостности индивида. Р. Жирар анализирует отношения двойников иначе — в плоскости абсолютной взаимности. Миметизм желания выражается в желании успеха своему сопернику в любви. Этот мотив Жирар находит во многих произведениях Достоевского. Другой, указывающий нам предмет нашего желания, желая его сам, является препятствием-образцом, двойником-соперником. «Чем больше образец превращается в препятствие, тем больше желание склонно превращать препятствия в образцы»¹¹. Интересубъективная зависимость желания от Другого результируется в том, что оно представляется нацеленным на свое поражение. Соперничество возникает не потому, что у двух независимых индивидов оказывается один предмет желания, а потому, что желание имеет Другого в качестве миметического образца.

Таким образом, речь идет не о взаимности любви, а о взаимности соперничества и подражания. Взаимность в отношении двойников выделяет новый тип двойничества, далекий от принципа дуальности, на котором основан лингвистический структурализм. Структуралистские оппозиции есть отношения означающих или отношения дифференциации, в которых одной из сторон отношения приписывается значение главенствующее. Иной сюжет дает нам рассмотрение «отношений двойников, *signifying nothing*»¹², т. е. не несущих дифференцированную смысловую нагрузку. Примером идеи такого рода двойников, обесмысливающих друг друга, может служить анализ Ж. Бодрийяром разрушенных терактом 11 сентября 2001 года башен Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке. Все ранее построенные небоскребы Манхэттена воплощали собой идею конкуренции, т. е. стремились превзойти друг друга по высоте. Две идентичные башни WTC реализуют собой наличие знака, потерявшего всякое значение и всякую референцию, т. е. «самодублирование знака как раз и кладет конец тому, что он обозначал»¹³. При буквальном подобии башен-близнецов друг другу между ними исчезает отношение знака и его референта.

¹¹ Жирар Р. Критика из подполья. / Р. Жирар / М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 11.

¹² Жирар Р. Критика из подполья. С. 15.

¹³ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. / Ж. Бодрийяр / М.: Добросвет, 2000. С. 146.

Полная симметричность отношения между ними делала эти два билдинга копиями друг друга или копиями, лишенными оригинала.

Конфликт желаний в котором «в любой момент каждый вмещает роли образца и подражателя»¹⁴, представляет собой не ситуацию господства и возникающего в нем признания, рассмотренную Гегелем, и не взаимодействие копии и оригинала, описанное Платоном, а симметричность и взаимность отношения двойников-соперников, в котором возникает наше Я. Новшество этого концепта субъективации заключается в новом использовании категории тождества. Классическое понятие тождества в западной метафизике мыслилось как самотождественность субъекта, Бога или разума. Теория интересубъективной природы Я ведет речь не о тождестве самому себе, а о тождестве Другому, о конфликтном тождестве в миметической взаимности двойников. Триангулярная конфигурация любовного соперничества и любовного треугольника не совпадает с эдиповым семейным треугольником сына, матери и отца. Источник соперничества может быть обнаружен не в нуклеарной семье или античном мифе, а в миметическом характере желания становящегося субъекта. Отношение соперничества могут быть рассмотрены, хоть и как связанные с вожделеющей природой субъекта, но вне парадигмы психоаналитической, что приводит к выводу о возможности бесконечного числа двойников, не ограниченного размером и составом буржуазной семьи.

В теории Ю. Кристевой мужскому соперничеству, полагаемому Фрейдом основой архаического общества и семейного эдипова треугольника, предшествует нерасчлененное и неартикулируемое единство, воплощаемое женским началом. Без освобождения от власти архаической матери, от ее всепоглощающей любви невозможно никакое возникновение субъективности. Если Фрейд в силу своих гендерных характеристик и патриархальных пристрастий создает миф об убийстве отца как важного события в самостановлении, то философ-женщина меняет модель на матерубийство как фундаментальный шаг к индивидуации, отделяющей Я от не-Я, внутреннее от внешнего.

Субъект — это всегда противопоставленность объектной реальности. Классический субъект в своей амбивалентности был одновременно необходимым условием свободы действия и знаком господства над всякой противостоящей ему реальностью. В концепции Кристевой дихотомия субъекта и объекта заменяется другой парой взаимосвязанных понятий. На место субъекта становится французское понятие «ргорге», т. е. собственный, относящийся к самости. Основные интуиции философии Ю. Кристевой основываются даже не на логической очевидности, а на семантике французской терминологии. Поскольку «ргорге» по-французски означает одновременно и «чистый», и «собственный», то понятие самости и субъективности существования человека может быть отождествлено с его чистотой, рафинированностью в отношении мерзкого, отвратительного и непристойного, составляющего противоположность субъектности Философский термин «abject» — «отвратительное» — выглядит как «абъект», т. е. то, что сменяет традиционное понятие объекта и им уже более не является. Не-

¹⁴ Жирар Р. Критика из подполья. С. 201.

ГРАНИЦЫ СУБЪЕКТИВНОСТИ / THE LIMITS OF SUBJECTIVITY

КРАСНУХИНА Елена Константиновна / Elena KRASNUKHINA

| Субъективация как субъекция |

чистое, отвратительное — это не некое конкретное качество, это то, что не допускает самождественности, системы, порядка. Нечистота «приписывается только тому, что соотносится с границей»¹⁵, тому, что существует на краю идентичности. Отвратительное это те опоры культуры, которые охраняют ее нормы и порядок от иррациональности бесконечного и спонтанности животного. «Если у каждого Я — свой объект, то у каждого сверх-Я — свое отвратительное»¹⁶. Как и объект, отвратительное противостоит Я, но не находится с ним в отношении разделенности и противопоставленности, поэтому «отвратительное одновременно создает и разрушает субъект»¹⁷. Недаром говорится, что от отвращения можно даже потерять сознание в прямом и отвлеченном смысле слова. Отвратительное нарушает самождественность, но не отличает полностью и окончательно субъект от того, что вызывает ужас. Оно не может подвер-

¹⁵ Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. / Ю. Кристева / СПб: Алетейя, 2003. С. 105.

¹⁶ Кристева Ю. Силы ужаса. С. 37.

¹⁷ Кристева Ю. Силы ужаса. С. 40.

гнуть реальное полному отрицанию и отбрасыванию. Соединение человека с отвратительным, непристойным, запретным возвращает ему тотальность бытия, но является при этом зовом небытия. Субъективация как отторжение частного от универсального, как индивидуализация рассматривается Кристевой в доэдипальном пространстве отношений с матерью. Все характеристики субъекта семиотического дискурса Ю. Кристевой — его процессуальность, динамичность, фрагментированность, расщепленность, телесность — противоположны тому, что мыслилось как субъект в европейской метафизике.

Проведенный в статье анализ показывает, что существует несколько философских дискурсов субъектности существования, а именно: субъектности как субъекции или подчинения, субъектности как интерсубъективности желания, субъектности как власти над собой или контроля разума над чувственностью и субъектности как суверенности или господства. Связь процесса субъективации с вопросами власти и желания прослеживается во всех вариантах его тематизации.

